

Телевизионные исторические проекты можно назвать средством сохранения и презентации источников, что повышает их значимость с позиции историографии. Телевизионный контент и сам является источником, использование которого возможно реконструировать образы прошлого, являющиеся неотъемлемой составляющей памяти. Следовательно, итогом исследования такого источникового комплекса (в синхронии и диахронии) могут стать, например, научные представления о динамике изменений исторических образов под влиянием различных факторов. Но также о состоянии и содержании исторической и культурной памяти представителей различных поколений.

1. Зенкова, А. Ю. Визуальные исследования как интегральная область социально-гуманитарного знания / А. Ю. Зенкова // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – Екатеринбург, 2005. – Вып. 5. – С. 184–193
2. Магидов, В. М. Кинофотофонодокументы: проблемы историографии, архивоведения и источниковедения: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В. М. Магидов. – М., 1993. – 36 с.
3. Мазур, Л. Н. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания / Л. Н. Мазур // *Quaestio Rossica*. – 2015. – № 3. – С. 161–178.
4. Мазур, Л. Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования / Л. Н. Мазур // *Диалог со временем*. – 2014. – №46. – С. 95–108.
5. Пятак, В. И. Образ истории в историческом сознании современности / В. И. Пятак // *Вестник ДВГСА. Гуманитарные науки*. – 2011. – № 1/1(7). – С. 20–25.

Серeda Н.В.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ВИЗУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Любой письменный источник, попадающий в поле внимания историка, содержит в себе элементы визуальной информации. Важнейшую информацию может дать графика документа, отпечаток печати, имеющиеся в тексте пометки, подчистки, исправления и т.п. Традиционно историки при издании текстов источников лишь в незначительной мере передают визуальную информацию публикуемого документа. Предисловие сообщает о качестве материального носителя, его повреждениях, о водяных знаках, если носителем информации является бумага, о формате памятника, об особенностях изготовления переплета: материал, размер, украшения.

Необходимость фиксации визуальной информации при подготовке документов к изданию хорошо осознается специалистами в области дипломатики. Ими накоплен большой опыт по изданию актов Древнерусского государства. Этот опыт обобщен в монографии С.М. Каштанова, в которой автор дает обзор современных принципов издания латинских грамот и анализирует новейшие российские публикации актов. Особое внимание С.М. Каштанов уделяет проблемам отражения в публикациях текстов актов элементов визуальной информации: составлению легенд, описанию водяных знаков, печатей [3, с. 202–210].

Вопрос о важности сохранения элементов визуальной информации неоднократно рассматривался исследователями на конференциях, совещаниях. Вопросам издания писцовых и переписных книг и других массовых источников по истории и культуре России был посвящен «круглый стол» в ходе XII Всероссийской конференции, посвященной памяти Василия Васильевича Крестинина [5, с. 400–420]. В ходе обсуждения речь шла прежде всего о документах допетровского времени. Участники обсуждения сошлись на мнении, что недопустимо игнорировать внешние признаки текста, в том числе выносные буквы, буквы вышедшие из употребления [5, с. 407]. Эти особенности текстов должны быть зафиксированы и отражены в публикациях. Благодаря прошедшим дискуссиям, специалисты в области писцового делопроизводства выработали общие приемы и подходы к изданию этих документов, что способствовало активизации работы по изданию текстов писцовых и переписных книг в начале XXI столетия.

Что касается других видов источников, особенно источников личного происхождения, то их издание в ряде случаев кажется вообще не подчиняется «Правилам издания исторических документов» [7, 8]. Издание документов личного происхождения не обеспечено методически, при том что явно наблюдается активизацией внимания читающих людей к жанру биографии и не-

посредственный интерес общественности к дневникам и мемуарам известных деятелей литературы и искусства, политиков, военачальников и даже простых людей, живших в интересные исторические периоды. Читатели все чаще стремятся «окунуться в прошлое с головой» и выносить ему самостоятельные оценки. Это – обратная сторона кризиса доверия к исторической науке. Это новая историографическая ситуация и она диктует, в числе прочего, более жесткие требования к правилам издания исторических источников. Потребность в отражении визуальной информации источника становится все более актуальной. Визуальная информация имеет огромное значение не только для датировки документов, но и для понимания среды, в которой жил автор, а также для более глубокого понимания его личности. Ее наличие повышает степень доверия/недоверия к информации источника, помогает определить жанровую принадлежность документа личного происхождения, с одной стороны, и позволит источниковедам уточнить признаки отдельных жанров документов личного происхождения, с другой.

Вследствие недостаточной разработки правил и принципов публикации документов новейшего времени некоторые группы исследователей при коллективной работе по подготовке публикаций таких документов создают для работающего коллектива своеобразные инструкции по подготовке документов к публикации, адаптируя их к целям, типам, видам и формам издания. Такой нормативно-методический документ был создан для коллектива сотрудников Института истории и археологии УрО РАН при подготовке к изданию серии «Россия 1917 года в эго-документах» [9; 10]. По словам руководителя проекта, тексты воспроизводятся главным образом в соответствии с «Правилами издания исторических документов» 1990 г. При этом участниками проекта намеренно нарушено одно из требований этих правил – требование передачи текста источников посредством использования современных правил правописания. По мнению Н.В. Суржиковой – ответственного составителя и научного редактора издания, «в случае с эго-документами оно видится неприемлемым, поскольку препятствует сохранению их аутентичности» [10, с. 9–10].

Никакие Правила не в состоянии предусмотреть все возможные проявления визуальной информации в публикуемом источнике, но археограф должен осознавать важность отражения визуальной информации источника и подчас ему необходимо проявить творческие способности, чтобы зафиксировать эту информацию и сделать ее предметом размышления других исследователей. И тут, к сожалению, у нас имеются, наряду с примерами уважительного отношения к элементам визуальной информации, примеры полного пренебрежения ими.

Проанализируем несколько изданий документов личного происхождения.

Новосибирские ученые подготовили к публикации и издали серию мемуаров сибиряков. В 2003 г. вышли из печати мемуары сибиряков XIX в. [6]. Все включенные в это издание мемуары сопровождаются многочисленными подстрочными примечаниями, которые позволяют читателю зримо представить, как выглядит автограф. Составители издания следуют положениям «Правил издания исторических документов в СССР» и оговаривают все случаи авторских исправлений, приводят тексты записей и помет, сделанные на полях и между строк автографа. В примечаниях переданы зачеркнутые авторами слова, части фраз и целые фразы. В публикации воспоминаний В.С. Кропоткиной составители нашли возможность отразить большое по объему авторское примечание, которое представляет собой выписку В.С. Кропоткиной из воспоминаний участника народнического движения М Фроленко «Записки семидесятника» [12], в которой повествовалось о занятиях народников с рабочими Москвы и Петербурга [6, с. 153]. Текстуальные примечания в этом издании находятся в нижней части страниц и обозначены буквами кириллицы. Комментарии по содержанию пронумерованы арабскими цифрами и имеют валовую нумерацию в рамках каждого публикуемого текста; расположены эти комментарии в конце книги [6, с. 243–311]. Авторы нашли возможным также отразить содержание черновых вариантов некоторых частей воспоминаний В.С. Кропоткиной [6, с. 137].

Документы личного происхождения являются предметом внимания не только историков, но и филологов, подход к изданию некоторых из них вызывает по крайней мере недоумение. В 2002 г. в Твери была опубликована книга с текстами двух памятников личного происхождения тверских купцов [2] В публикацию вошла достаточно известная, впервые изданная еще в начале XX в. «Летопись» Михаила Тюльпина и впервые издаваемый крайне интересный и очень сложный по структуре так называемый «дневник» Блиновых [2]. Составитель этой публикации филолог

Е.И. Барклай подошла к публикуемым источникам прежде всего как к ценным лингвистическим источникам. В издании сохранены особенности написания авторами некоторых сложных, заимствованных из иностранных языков слов, например «боргомистр», а также фонетические варианты слов, которые автор обозначает как «тверские»: леменация вместо иллюминация, паточина, байдашный. Сохранена простонародная и профессиональная лексика: бут, бутить, волоковое окно и др. Составителем сохранены и выделены жирным шрифтом вышедшие из употребления буквы кириллического алфавита, которые очень активно употребляли авторы документов: ер, ерь, фита, омега [2]. Сохраняя в тексте публикации авторские особенности написания некоторых слов, И.Е. Барклай в подстрочнике отмечает, как следует правильно читать эти слова. При этом фамилии государственных деятелей: губернаторов, заместителей – переданы в том виде, как они зафиксированы в автографах, без объяснений, как они писались на самом деле.

Составитель публикации оставила без внимания все элементы изобразительной информации, имеющиеся в тексте в очень большом количестве. Прежде всего – это многократные изменения почерка. Записи в дневнике Блиновых сделаны самыми разными вариантами почерка: на одних страницах мы встречаем изящный, летящий начерк букв, присущий лишь человеку, много пишущему; в то же время на некоторых страницах рукописи записи сделаны неумелой, я бы сказала неуклюжей, рукой человека, которому с огромным трудом дается начерк петель букв «д» и «у» – петли несоразмерно велики и объемны по отношению к остальным элементам букв [1]. Может показаться, что это страницы из учебной тетради ученика, осваивающего грамотность. Детальное изучение графики и особенностей каждого из почерков «дневника» Блиновых позволяет утверждать, что к ведению этого документа были причастны, кажется, все члены семьи, включая женщин и детей.

Никак не оговариваются в публикации Е.И. Барклай многократные случаи смены чернил и пера, а также позднейшие приписки к тексту. Эти приписки вносились другими чернилами, другим пером, а иногда и другой рукой. Эти дополнения достаточно легко вычлняются в основном тексте рукописи, они придают источнику характер исторического нарратива и документа мемуарного жанра. Обратим внимание читателей лишь на один пример. В дневнике Блиновых 1772-м годом датирована запись о том, что «у Покрова церковь каменная сделана и отбелена совсем месяца сентября». А далее имеется приписка: «1774 году октября 1-го дня освящена» [1, л. 3 об.]. В издании, подготовленном Е.И. Барклай не оговаривается ни одного случая таких дополнений к тексту. При таком пренебрежении к элементам визуальной информации мы рискуем утратить огромный пласт данных, связанных как с внешней, так и внутренней критикой источника; мы также теряем сведения о социо-культурном контексте, в котором проходила жизнь авторов источника личного происхождения.

Сохранение в публикации сведений о визуальной информации памятника важно еще и потому, что сведения о наличии таких приписок позволяют рассматривать опубликованные памятники как эго-документы и открывают перед современным источниковедением огромные возможности для развития. Наличие этих добавлений к основному тексту позволяет думать, что авторы периодически перечитывали свои ранее сделанные записи, то есть написанный ими текст выполнял автокоммуникативные функции, и это обстоятельство придает ему свойства эго-документа. Перечитывание текста позволяло авторам «обозревать путь», пройденный ими [11].

Таким образом, сохранение элементов изобразительной информации публикуемых текстов расширяет возможности ученых для их исследования и интерпретации. А в рассмотренном случае передача при издании текста элементов изобразительной информации вносит дополнительный вклад в дискуссию о судьбах эго-документов в России.

1. Государственный архив Тверской области (ГАТО). – Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1137.
2. Дневники тверских купцов / сост. И. Е. Барклай (Макарова). – Тверь : ТГТУ, 2002. – 92 с.
3. Каштанов, С. М. Актовая археография / С. М. Каштанов. – М. : Наука, 1998. – 318 с.
4. Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века. – М. : РОСПЭН, 2007. – 470 с.
5. Массовые источники истории и культуры России XVI – XX вв. : материалы XII Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры России XVI – XX вв.: проблемы изучения и издания», посвященной памяти Василия Васильевича Крестинина (1729–1795). Архангельск, 19–23 июня 2001 г. – Архангельск : Правда Севера, 2002. – 429 с.
6. Мемуары сибиряков XIX век / сост. Н. П. Матханова. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. – 343.[2] с.

7. Правила издания исторических источников. – М. : Главархив, 1990. – 81 с.
8. Правила издания исторических источников в СССР. – М. : тип. Главполиграфпрома, 1969. – 112 с.
9. Россия 1917 года в эго-документах. – М. : Политическая энциклопедия, 2016. – Т. 1 : Воспоминания. – 512 с.
10. Россия 1917 г. в эго-документах. – М. : Политическая энциклопедия, 2018. – Т. 2 : Дневники. – 678 с.
11. Троицкий, Ю. А. Аналитика эго-документа: инструментальный ресурс историка / Ю. А. Троицкий // История в эго-документах: исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург : Издательство «АсПУР», 2014. – С. 14–31.
12. Фроленко, М. Записки семидесятника / М. Фроленко. – М. : Историко-революционная библиотека журнала «Каторга и ссылка», 1927. – 339 с.

Лякишева С.И.

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ФИРМЕННОЙ БУМАГИ
РУССКОГО И ИНОСТРАННОГО ПРОИЗВОДСТВА
(НА ПРИМЕРЕ ЭКСПОНАТОВ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ «ЯСНАЯ ПОЛЯНА»)**

В домашних библиотеках дворянской усадьбы формировался уникальный рукописный фонд по рукоделию. Выделка ковров, шитье из кожи, изготовление полотен – льняного и суконного, золотошвейное шитье, вышивка в пальцах гладью, вышивка бисером, вышивка волосом, вязание спицами, вязание крючком – классическим и тунисским, вязание на рогульке, кружевоплетение, шитье ручное и машинное, стежка одеял, штопка, валяние, – эти виды техники рукоделия практиковались в Ясной Поляне. Усадебные мастерицы рисовали или копировали множественными способами схемы для вышивания, кружевоплетения, и со временем у них накапливалась индивидуальная подборка бумажных носителей, которой не только пользовались в быту, но и старались передать её следующему поколению. Беречь такой фонд было непросто: бумажные схемы быстро ветшали и приходили в негодность. Чудом сохранившиеся стали редчайшими экспонатами отечественных музеев. Они несут владельческую информацию о вкусе в области моды и предпочитаемых видах рукоделия. Примером образцового хранения печатной продукции по рукоделию является яснополянский дом, где строгую систему в содержании бытовых вещей соблюдала Софья Андреевна Толстая. В частности, ей удалось сохранить так называемую «Папку Т.А. Ёргольской». Она представляет собой обширное собрание рабочего материала для рукоделия – вырезки, выкройки, а также схемы, собственноручно выполненные на писчей бумаге разных производителей. Одно из основных её свойств – чернильный текст и изображение не расплываются и не переходят на другую сторону листа. Для этого во время работы бумаги добавляли растворенный растительный клей. За качество отвечали производители, которые штемпелевали свою продукцию.

Работая со старинными бумажными носителями информации из «Папки Т.А. Ёргольской», обращаясь к книге С.А.Клепикова «Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв.». Несмотря на то, что многие штемпели сохранились в полустёртом виде, постепенно удалось установить года выпуска бумаги, а также её фирму-производителя.

Из четырех отечественных фабрик наиболее полно представлена продукция Асьевской фабрики, 1846, 1847 и 1852 годов, с разными штемпелями:

- 1) «АСЬЕВСКОЙ / № [Ц] / ФАБРИКИ» овальный – 1846 год.
- 2) На вытянутом в длину гербовом щите «Асьевская фабрика», текст слева и справа от щита, ширина штемпеля 17 мм – 1847 год.
- 3) «АСЬЕВСКОЙ / ФАБРИКИ [по овалу] // А [в овале]» – 1852 год. На этой бумаге выполнен цветочный узор.

Кроме того, выкройка детского чепчика нарисована на бумаге, произведённой в Медынском уезде Калужской губернии, со штемпелем: «ТРОИЦКОЙ / № ГОВАРДА [Ц] / ФАБРИКИ», прямоугольным, со срезанными углами – 1850 год.

Имеется бумага из Смоленской губернии, со штемпелем: «ФАБРИКИ / № АМ [на гербовом щите под дворянской короной] [Ц] / БАРЫШНИКОВА», прямоугольным, со срезанными углами – 1867 год.

Выкройка воротника выполнена на бумаге со штемпелем: «ЗНАМЕНС. ФАБР. [по овалу] – овальная под короной» – 1843–1845 годов.